

Пэй Мяо чутко уловил недовольство человека, державшего его на руках. Он повернулся, уставился на лицо Гу Цияня своими морскими голубыми глазами, а затем протянул лапку и мягко нажал подушечкой на его щёку, нежно промурлыкав:

— Мьяяя~ — при этом обнажив два острых маленьких клыка. Его детский, молочный голосок был просто смертельно мил.

Сердце Гу Цияня дрогнуло. Холодное, высокомерное выражение на его лице тут же не выдержало. Он крепче прижал к себе Пэй Мяо, ладонью ощущая мягкость кошачьей шерсти. Помолчав мгновение, он глухо пробормотал:

— Четвёртый брат — не подходит.

— Мяу? — Что не подходит? — Пэй Мяо склонил голову набок, и на его пушистой мордочке отразилось недоумение.

Гу Циянь, к своему собственному удивлению, смутился. Под чистым, ясным взглядом Пэй Мяо его уши постепенно начали розоветь. Он отвел глаза в сторону, не произнося ни слова. Он ни за что не признается, что ревнует, да ещё и к какому-то сопляку.

Когда все, наконец, собрались, император Цинлун появился, ведя под руку императрицу.

Для Пэй Мяо это была первая встреча с императрицей. В отличие от Драгоценной супруги Сяо, императрица излучала благородное, мягкое и изящное обаяние, располагающее к себе с первого взгляда. Её черты лица были на семь-восемь частей схожи с лицом Гу Цияня, но в её облике было больше нежности. Каждое её движение было естественно и изящно, словно сама природа одарила её грацией. Определения «блистательная» и «непревзойдённая» подходили ей как нельзя лучше.

Она и Драгоценная супруга Сяо были абсолютно разными типажам. Первая подобна пиону — прекрасному, улаждающему взор, благородному и величественному. Вторая же — словно роза, прекрасная, но с мощными шипами, гордая и роскошная. Единственное, что их объединяло, — обе были великими красавицами.

Император Цинлун занял главное место во главе стола, окинул взглядом собравшихся, на мгновение задержал его на Пэй Мяо и Гу Цияне, а затем, сделав вид, что ничего не заметил, отвёл глаза. Он подозвал евнуха Фу и приказал убрать место, изначально приготовленное для Господина Наставника.

Придворные дамы, принцы и принцессы, ожидавшие зрелища, тут же разочаровались. В Великой Юй всегда строго чтили ритуалы и церемонии. Даже на семейных пирах соблюдались принципы трёх устоев и пяти постоянств, поддерживался порядок и иерархия. Место каждого за столом определялось строго в соответствии с его статусом.

После императрицы следовали придворные наложницы и жёны, среди которых первой была Драгоценная супруга Сяо, за ней — Супруга Шу. После императора располагались принцы и принцессы: во главе Гу Циянь, затем Первый принц Гу Цицун. Господин Наставник же был исключением на этом семейном пиру. Его место находилось не среди наложниц и не среди принцев, а рядом с императором, что символизировало его непревзойдённый статус.

И вот теперь он оказался на руках у Гу Цияня, сидя на его месте.

Некоторые из наиболее изощрённых наложниц уже приготовили речи, намереваясь обвинить

Гу Цияня перед императором в нарушении ритуального порядка.

Однако они никак не ожидали, что император Цинлун не только не придаст этому значения, но и прикажет убрать место Господина Наставника. Неужели это намёк на то, что он молчаливо одобрил связь Второго принца с Господином Наставником?

Подумав об этом, придворные дамы выразили на лицах самые разные чувства — и радость, и тревогу. Обрадовалась Супруга Шу. Она уже почти оставила надежду на то, что её сын взойдёт на трон, ведь на пути стояли и законный наследник от императрицы — Гу Циянь, обладающий реальной силой, и сын Драгоценной супруги Сяо — Гу Цимин, преграждающий дорогу. Добиться императорского престола было труднее, чем взойти на небо. Но теперь, если Гу Циянь возьмёт в жёны Господина Наставника, у её сына появится шанс побороться за трон.

Опечалилась же Наложница Чжэнь. Всей душой она желала, чтобы её сын взял в жёны Господина Наставника. Ведь тогда она сама смогла бы хоть изредка погладить его кошачьи лапки. Одна мысль об этом приводила её в восторг. Однако сегодня её мечте был нанесён двойной сокрушительный удар. Первый — собственный сын, у которого напрочь отсутствовала эмоциональная чуткость, а навыки «заигрывания» с котом были ниже всякой критики. Второй — Господин Наставник, возможно, уже слетался с Вторым принцем, и даже император, кажется, молчаливо признал их связь. Для её сына всё было кончено.

От одной мысли об этих двух леденящих душу ударах Наложнице Чжэнь хотелось изрыгнуть на месте три шёна крови. Она всего лишь хотела заманить Господина Наставника в свой дом — почему же это оказалось так невыносимо сложно?!

Императрица и ранее слышала во дворце некоторые слухи, но не придавала им значения. Теперь же, увидев, насколько близки Гу Циянь и Господин Наставник, её сердце наполнилось смешанными чувствами, и она не могла подобрать слов, чтобы описать это состояние.

Драгоценная супруга Сяо все свои мысли сосредоточила на императрице. Видя, что та молчит и погружена в себя, она сама ощутила тяжёлую, безысходную тоску.

Она задумчиво взглянула в сторону Гу Цияня, и её глаза слегка потемнели.

Атмосфера в зале стала несколько странной.

Император Цинлун слегка кашлянул, пытаясь сменить тему, указал на пустое место рядом с Гу Циянем и спросил:

— А где Цимин? Почему его до сих пор нет?

Напоминание императора заставило всех присутствующих заметить, что Третий принц Гу Цимин действительно ещё не прибыл. Хотя это и был семейный пир, где правила не столь строги, опаздывать всё равно считалось дурным тоном. Супруга Шу и Первый принц переглянулись, и в их глазах мелькнуло злорадство.

Драгоценная супруга Сяо, однако, не придавала этому особого значения. Спокойно поднявшись, она ответила:

— Минъэр задержался, когда въезжал в город в полдень, и вернулся во дворец уже поздно. Ваша покорная слуга, видя, что он проделал долгий путь из военного лагеря и покрыт пылью дорог, побоялась, что он оскорбит своим видом Ваше Величество, и потому позволила ему сначала вернуться в Чертог Сюаньмин, дабы омыться и переодеться. Судя по времени, он

должен скоро подойти.

Едва она закончила говорить, как за дверью раздался голос, возвестивший о прибытии:

— Третий принц прибыл!

Пэй Мяо инстинктивно взглянул на вход и увидел, как в зал вошёл юноша. Он был примерно того же возраста, что и Гу Циянь, но телосложением более крепким, плотным.

Подойдя ближе, Пэй Мяо смог разглядеть его облик.

На нём был тёмно-синий, индигового оттенка, повседневный наряд с узкими рукавами и высокими сапогами. Волосы цвета воронова крыла были все собраны в высокий хвост. Густые брови, глаза-звёзды, чёткие, выразительные черты лица и кожа, потемневшая от долгого пребывания на солнце, — с первого взгляда было видно, что это живой, активный, спортивного склада юноша.

Третий принц свободно и непринуждённо поклонился собравшимся, принёс извинения за опоздание и лишь затем направился к своему месту. Оно располагалось рядом с местом Гу Цияня, и, едва усевшись, он тут же заметил кота на руках у брата.

Что поделать — внешность Пэй Мяо была слишком примечательной, да к тому же он сидел на руках у Гу Цияня прямо на семейном пиру. Невозможно было не обратить на него внимания.

Гу Цимин, очевидно, очень заинтересовался Господином Наставником. Воспользовавшись моментом, когда на сцене начались танцы и музыка, он незаметно приблизился к Гу Цяню, потыкал пальцем в ухо Пэй Мяо и с оживлённым видом спросил:

— Второй брат, этот котёнок у тебя на руках — и есть Господин Наставник?

Гу Цяню не понравилось, что Третий принц позволяет себе такие вольности. Он слегка развернулся, полностью прикрыв собой Пэй Мяо, и холодно ответил:

— Угу. — Очевидно, не желая продолжать разговор.

Однако он забыл, что его младший брат — тот ещё бесцеремонный простак. Тот не только не уловил отказа в его тоне, но и продолжил гладить кота, при этом бормоча:

— Второй брат, какой же ты жадина! Я всего лишь хочу погладить Господина Наставника. И, кстати, на ощупь он просто замечательный — мягкий, гладкий, прямо как нежный тофу. Ой, а что это я нащупал?!

Глаза Третьего принца вдруг загорелись («блинг!»), но прежде, чем на его лице успела расплыться улыбка, взбешённый Господин Наставник вскочил и оставил три полосы когтей на его щеке.

Пэй Мяо спрыгнул на пол, пригнулся, оскалился на Гу Цияня и издал угрожающее «Ха-а-а!». Вся шерсть на его спине встала дыбом, и весь он находился на грани яростного взрыва.

— Мьяяя! — Чёрт тебя дери, похотливый мерзавец! Осмелился домогаться до Господина Наставника? Если сегодня я не исполосую твою физиономию в решето, то я не Пэй!

Пэй Мяо повилял задом, приготовившись к атаке, и, воспользовавшись тем, что Третий принц застыл в ошеломлении, оттолкнулся задними лапами и одним прыжком взметнулся на него.

Две передние лапы заработали как мельничные крылья, когти выпущены из подушечек — «швырк-швырк» — и на ещё недавно handsome лице Третьего принца добавилось ещё шесть царапин.

В зале мгновенно воцарился хаос.

Все смешались в кучу: одни пытались разнять, другие вскрикивали от ужаса, третьи глазели, четвёртые злорадствовали.

Кошачий нрав Пэй Мяо разыгрался не на шутку. Нападая, он уже ни о чём не думал. Его когти были остры, как бритвы, и почти каждая царапина сочилась кровью. Третий же принц, памятуя о том, что нельзя причинять вред Господину Наставнику, хоть и обладал боевыми навыками, не мог их применить и был вынужден безропотно выступать в роли живой мишени.

Так, под полным подавляющим превосходством Господина Наставника, развернувшего всю свою мощь, и началась великая битва человека и кота.

Лишь когда Пэй Мяо выплеснул весь свой гнев, Гу Циянь подошёл, поднял взъерошенного котёнка и убрал его за пазуху. Не дожидаясь, пока император Цинлун что-либо скажет, он резко взглянул на Третьего принца и, сдерживая ярость, спросил:

— Третий брат, что же ты такого совершил, что прогневал Господина Наставника?

Одной этой фразой он полностью переложил всю вину на Третьего принца.

<http://bllate.org/book/16288/1467822>